

Его губы, красные и слегка припухшие от поцелуев, а низ — розовый и набухший от боли, медленно погружались во влажное лоно Лэ Юя. Смазка выдавливалась из места их соединения, но он, приподнимая бёдра, принимал лишь половину.

В глазах Сяо Шанли уже навернулись слёзы.

— Юй-лан... муженек...

Он застрял в неудобном положении. Лэ Юй сказал:

— Юный котёнок, какой же ты жадный.

Сяо Шанли слегка закатил глаза, прикусив губу.

— Юй-лан... ты ещё не знаешь, насколько я жаден...

Лэ Юй не придавал этому значения.

— Юный котёнок...

Но вдруг его руки и ноги опутали мягкие ворсинки. Длинный пушистый хвост обвил его бедро, сжимаясь всё туже. Выражение лица Лэ Юя слегка изменилось, а Сяо Шанли уже прижал его, по-кошачьи упёршись ладонями в его грудь, глаза сияли.

— Юй-лан, угадай, сколько у меня хвостов?

Его красота была подобна свече в тёмной комнате — завораживающей, сводящей с ума. Лэ Юй поднял руку, погладил его по щеке.

— Редко когда ты бываешь в таком настроении, юный котёнок. Я, как муж, обязан тебя удовлетворить.

Сяо Шанли почувствовал, как мощное тело под ним расслабилось, и даже место, где он его принимал, перестало сжиматься, лишь мягко раскрываясь и смыкаясь. Он тихо застонал, но несколько хвостов туго обвили человека под ним, не отпуская, а его бёдра начали медленно покачиваться.

Лэ Юй, полностью обездвиженный хвостами, опутавшими его бёдра и живот, позволил тому двигаться внутри себя, слушая его прерывистое дыхание у самого уха. Но с каждым выдохом его толкали всё глубже, и вскоре смазка начала вытекать, а пот покрыл всё его тело.

Кожа Сяо Шанли становилась всё более скользкой, и его желание не утихало после одного или двух раз. Он лишь припал к его уху, мучительно шепча «Юй-лан», впиваясь ногтями в спину Лэ Юя, оставляя на ней кровавые полосы. Острая боль пронзила спину Лэ Юя, но он лишь шире раскрыл объятия, прижимая его к себе.

Человек в его объятиях — будь то кот или человек — был его вечным утешением, его тихой

гаванью. Он готов был остаться здесь навеки, даже если это означало смерть.

После нескольких соитий то место стало влажным и мягким. Сяо Шанли на время лишился твёрдости, но не был удовлетворён. Его тело продолжало тереться, а в блестящих, затуманенных глазах читалась потерянности. Его хвост проник в ещё не сомкнувшееся заднее отверстие Лэ Юя.

Лэ Юй, несмотря на свою силу, уже несколько раз был активен, и его внутренние стенки, раздражённые пушистым мехом, сжались. От одной мысли о том, что это за часть тела Сяо Шанли в него вошла, ещё больше пота выступило на его спине, стекая по ложбине позвоночника вниз. Длинные волосы Сяо Шанли рассыпались по его груди, несколько прядей промокли.

— Юй-лан... хвост промок...

Так они и продолжали, снова и снова. Самое сокровенное место его тела постоянно что-то заполняло, уже не могло быть полнее, и всё же влажный мех щекотал его, вызывая ощущение пустоты.

Тем временем, ближе к полудню, молодой господин, вернувшись домой, всё больше удивлялся. Обойдя служанок и накинув лисью шубу белого, как снег, цвета, он направился к Залу Цзинни.

Его слух был столь острым, что сквозь несколько дверей он уже различил мужские стоны и едва слышные прерывистые звуки, похожие на те, что издавали его отец и... приёмный отец.

Он никогда не верил в сверхъестественные истории и потому не мог поверить, что двое мужчин способны зачать ребёнка. Он видел отца обнажённым — тот несомненно был мужчиной. Поэтому его мысли свернули на странную тропу, и он решил, что «приёмный отец» — его настоящая мать, много лет скрывавшаяся под личиной мужчины, чтобы быть с отцом. Эта мысль растрогала его до слёз, и он не раз плакал, уткнувшись в подушку.

Теперь же он дрожал от страха, понимая: если он смог подслушать, то и отец наверняка способен услышать его. Он поспешно перелез через стену и ретировался.

Полдня ломая голову, он так и не нашёл ответа:

— Неужели приёмный отец собирается родить отцу моего брата или сестру?

В северной части Южной Чу есть область под названием Сучжоу — край суровый, с горами, но без крупных рек. В начале осени, в восьмом месяце, жёлтые листья шумели на склонах. Первый осенний дождь ещё не пролился, когда в город Учэн прибыла пара.

В тот день стояла промозглая погода, трава пожухла и пожелтела. За весь день в город въехало всего семь-восемь повозок, все конные, и лишь одна — запряжённая быком. Возница был

мужчиной необычной внешности, одетым просто, но с крепкими плечами и столь длинными ногами, что они не помещались на дышле. На нём лежала печать дорожной пыли, но в его осанке чувствовалась особая манера, которой не было ни у здешних купцов, ни у хозяина постоянного двора, — перед ним все невольно робели.

Когда повозка остановилась, он бросил кнут, открыл дверцу и вынес на руках женщину, закутанную в толстый плащ. По животу было видно — пятый месяц. Лицо и волосы скрывал капюшон, виднелись лишь белые пальцы, сжимавшие край плаща. Её муж целый день правил повозкой, и подол его одежды был в пыли, зато она оставалась чистой и опрятной. Видевшие это понимали: хоть бычья повозка и медлительна, зато едет плавно, а мужчина невероятно заботлив к своей беременной жене. Усадив её на стул, он лишь тогда позвал слугу, щедро дал на чай и велел распрячь и накормить быка.

В Сучжоу много гор и сосен. В трактире было просторно, и, хотя стояла лишь ранняя осень, в зале уже горели четыре жаровни, согревая помещение ароматным теплом сосновых поленьев. Бухгалтер, заметив щедрость гостя, спросил:

— Уважаемый гость, как ваша фамилия? Остановитесь у нас? У нас есть хорошие комнаты, сразу велю добавить жаровню с углём. Супруге вашей нелегко, если остановитесь здесь — будем подавать еду и горячую воду с утра до вечера.

Хоть он и был бухгалтером, но выглядел на год-два моложе гостя и держался с некой величавостью. Простая одежда, деревянная шпилька, всё чистое и опрятное. Слова его были радушными, на лице играла лёгкая улыбка, но в глазах читалась какая-то сдержанная холодность, словно у несостоявшегося учёного.

Гость скользнул взглядом по лежащей перед ним бухгалтерской книге — сплошные записи о еде, выпивке и именах постояльцев, суета и обыденность. Но он сказал:

— Этот почерк — среди пяти лучших, что я видел в жизни. Судя по силе штриха и вашему возрасту, вы, должно быть, не пропускали ни дня практики.

Бухгалтер резко поднял голову. Мир ценит славу выше таланта — какой прок от каллиграфии высочайшего уровня в такой глуши? Он замер с кистью в руке, уклонившись от ответа:

— Вы слишком добры, уважаемый гость. Осмелюсь спросить вашу фамилию?

На длинном столе рядом с его рукой лежали три игральные кости, сточенные до округлости. Гость взял их и небрежно подбросил.

— Забавно. Оказывается, брат ещё и азартный человек. Носить кости с собой... наверное, лет двадцать уже играете?

Бухгалтер уже было собрался швырнуть кисть, но, взглянув на гостя, увидел резкие черты лица, высокий рост и мозоли на руках — следы владения мечом. Ссориться было себе дороже.

— Пожалуйста, уважаемый гость, назовите же своё имя...

Гость же в ответ спросил:

— А как зовут вас, братец?

Бухгалтер ответил:

— У Цай.

Только тогда гость отпустил его.

— Какое совпадение! Меня зовут точно так же. Пожалуйста, одну лучшую комнату.

В Учэне была одна достопримечательность — храм Холодной Сосны за городской стеной. Мать Цзи Юйху была родом из Сучжоу и часто ходила туда на поклонение. После замужества и рождения дочери она лишь изредка вспоминала о родных краях, упоминая лишь храм Холодной Сосны, и Цзи Юйху страстно желала увидеть его своими глазами.

Лэ Юй остановился с ней в постоялом дворе Учэна на пару дней. Поскольку в буддийские храмы женщин не пускали, он намеревался найти для неё дом у подножия горы. Они не взяли с собой слуг и не уведомили Остров Пэнлай. Никто в Поднебесной не знал, что он покинул Цзиньцзин на торговом судне, двинулся с юга на север и через полмесяца неспешного пути свернул в Сучжоу.

На третий день, в полдень, Лэ Юй сам отнёс еду наверх. После его ухода бухгалтер У Цай услышал разговоры. Повар ворчал:

— Беременная барыня — неженка, чёрт знает, каких там она вкусов, всё мягкое да пресное, нашу еду не ест... А муж её — будто деньги есть, каждый день заказывает из «Цзиньгуйлоу». Думал, пир на весь мир, а они всего три блюда на двоих... Видно, из кожи вон лезут, чтобы вид богачей сохранить...

У Цай поддакнул пару раз, сунул в карман паровую булочку, взял блюдечко с закуской и вернулся за стойку.

Лэ Юй вошёл в комнату. Цзи Юйху сидела на кровати, её подбородок по-прежнему был острым, но по сравнению с прошлым месяцем она немного поправилась. Рядом с ней лежало несколько буддийских сутр.

— Я попросила слугу найти мне несколько сутр. Господин Лэ, вы не против, если я буду их читать?

Лэ Юй ответил:

— Тебе не нужно моё разрешение на всё подряд. Делай, что считаешь нужным.

Она опустила глаза и улыбнулась.

— Моя мать была купленной наложницей. Когда она была мной беременна, отец взял новую

любимицу. Она не смела роптать, лишь день за днём читала сутры. Но позже отец возненавидел мать и меня. Он говорил, что это из-за сутр мать родила такую холодную и ничтожную, как я, и лучше бы выбросил меня в монастырь, чтобы глаза не мозолила. Я становилась на колени, умоляла позволить мне уйти в монахини — он не разрешил.

Лэ Юй понял, что она хочет сказать.

— Каким бы ни был характер этого ребёнка, я не позволю ему терпеть ни малейших обид и не стану принуждать его ни к чему против его воли.

Она положила руку на живот.

— Благодарю вас, господин Лэ.

Потом добавила:

— Я читаю сутры, чтобы мой ребёнок обрёл мудрость, но не стал слишком умным.

Она спросила:

— А я — умный человек?

<http://bllate.org/book/15272/1348118>